

О.Г. Ульянов (Москва)

**ОРУЖИЕ «МОСКОВСКОГО ДЕЛА»
В СОБЫТИЯХ РУССКО-ПОЛЬСКОЙ ВОЙНЫ
1654–1667 ГОДОВ (ПО ДАННЫМ ОПИСЕЙ
ГОСУДАРЕВОЙ ОРУЖЕЙНОЙ КАЗНЫ)**

О ПУСТОШИТЕЛЬНАЯ Тринадцатилетняя война между Польшей и Россией 1654–1667 гг. сыграла решающую роль в их многовековом противостоянии и во многом предопределила дальнейшее развитие двух государств, а также расстановку международных сил на европейской арене, в чем состоит ее общеевропейское значение. По мнению С.М. Соловьева, считавшего главной причиной войны борьбу между православием и католичеством, эта длительная русско-польская война была вполне сопоставима по важности причин и следствий со знаменитой Тридцатилетней войной, продолжавшейся до 1648 г., равно как и с религиозными войнами, потрясавшими Среднюю и Западную Европу в XVI и XVII вв.¹ Весной 1653 г. посольство гетмана Богдана Хмельницкого прибыло в Москву, чтобы подать ходатайство к русскому царю: *«Толькоб де царское величество изволил их принять вскоре и послал своих ратных людей, и он гетман, тотчас пошлет свои листы в Оршу, в Могилев и в иные города, к белоруским людям, которые живут за Литвою, что царское величество изволил их принять и ратных людей своих послал. И те де белорусские люди учнут с ляхи битца; а будет де их 200 000»*².

В октябре 1653 г. Земский собор принял решение удовлетворить просьбу Хмельницкого и объявил войну Речи Посполитой. На Украину было отправлено посольство во главе с боярином Бутурлиным. Рада в Переяславе 8 января 1654 г. высказалась за вхождение Украины в состав России. После Переяславской рады, когда

Богдан Хмельницкий принес присягу на верность Царю Алексею Михайловичу, русское правительство в чрезвычайно трудных внешнеполитических условиях стремилось обезопасить русские и украинские земли от польско-литовских притязаний. Закреплению Левобережной Украины в составе России способствовало проведение таких оборонительных мероприятий, как сооружение к 1653 г. Белгородской черты протяженностью 800 км³. 18 мая 1654 г. Государев полк под командованием Царя Алексея Михайловича выступил из Москвы, пройдя военным парадом с артиллерийским нарядом из Кремля, где Патриарх окропил всех русских ратников святой водой из окна дворцовой Столовой избы⁴.

Малоизученной темой в историографии русско-польской войны третьей четверти XVII в. является состав вооружения русского войска, который помогают во многом определить сохранившиеся архивные документы Оружейной палаты, служащие основными источниками для изучения оружия «московского дела». Непосредственная подготовка к польской кампании была начата 28 июня (по ст.ст.) 1653 г. с Государева смотра русскому войску на Девичьем поле в Москве⁵. Точная дата смотра приобретает большое значение в силу очевидной связи с ней царского указа «*О присылке в Оружейную палату из Разряда дьяка для переписи верхней оружейной палаты с оружьями и со всякими разными запасами*», датированного также 28 июня, но 1663 г.⁶ Скорее всего, имела место ошибка писца и читать следует не 1663, а 1653 год, в противном случае этот царский указ оказывается дублированным, т. к. в архивных материалах под 1663/1664 гг. проходит указ «*О присылке в Оружейную палату из дворян Григорья Ильина Мертвово за дьяка Никиту Юдина для переписи Оружейной казны*»⁷.

Сам факт переписи Государевой оружейной казны накануне польской войны вполне закономерен, и, наоборот, отсутствие такой переписи вызывало бы обоснованное недоумение. Иного же указа о ревизии Оружейной палаты не отмечено ни под 1653, ни под 1654 гг. Поскольку в указе от 28 июня сказано о присылке для переписи дьяка из Разряда, то следует полагать, что по каким-то неизвестным еще причинам дьяк Оружейного приказа Афанасий Копылов уже не вел делопроизводство по оружейной казне⁸. Кроме того, весьма характерно упоминание в указе 1653 г. именно «*верхней оружейной палаты с оружьями и со всякими разными запасами*» в свете предназначения Верхних новых палат Оружейного приказа,

построенных к 1647 г., как раз для хранения лучшего нового строевого вооружения (карабинов, пистолей, мушкетов, шпаг, албард, протазанов, лат, рукавиц и т. п.), о чем нам уже приходилось писать при анализе описи 1647 г.⁹

Если верна наша реконструкция документальной стороны подготовительного этапа к войне с Польшей, то во исполнение указа от 28 июня 1653 г. была составлена роспись «*походной оружейной казны царя Алексея Михайловича, бывшей с ним под Смоленском*» 1654 г.¹⁰ Последнюю можно с полным основанием рассматривать как промежуточную по отношению к более полной и подробной росписи 1657 г.

Вместе с тем роспись 1654 г. связана с целой группой архивных источников, широко освещающих подготовку Государевой оружейной казны, в т. ч. оружия «большого наряда», к специфическим полевым условиям пребывания в военном походе. Четкие описания предметов парадного вооружения с отличительными признаками, предоставляющие возможность отождествлять их с конкретными вещами из современного собрания Оружейной палаты, тем не менее, не стали пока объектом специального изучения.

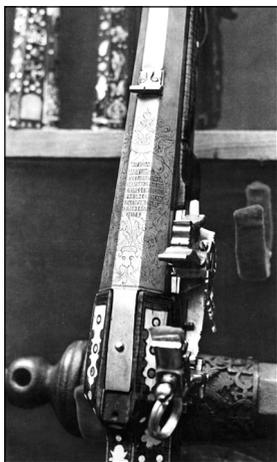

Рис. 1. Пищаль Царя Алексея Михайловича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1654 г.

Рис. 2. Мастер – Григорий Вяткин. На казенной части надпись: «Лета 7162 (1654) года, месяца апреля 27, по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя всея Росии Самодержца, сделана сия пищаль в Оружейной Палате, делал М.Г.В.». Калибр – 18 мм. Длина ствола – 1110 мм. Вес – 11 720 г. ОП 6763

Заметим, что особой ценностью данной группы архивных документов составляет определенная новизна, которую они вносят в изложение событий начала русско-польской войны, казалось бы, широко известных в исторической науке.

Одно из самых ранних дел в этой группе посвящено возврату оружия, взятого из Оружейного приказа в Рейтарский, «для пешего учения»¹¹. Оно имеет непосредственное отношение к смотру рейтарскому и солдатскому учению, состоявшемуся 15 марта 1654 г. на Девичьем поле¹². С этим же событием связано дело «Об отнесе в верх (т. е. Верхнюю Оружейную палату. – О. У.) мушкетов, шпаг, лядунок солдатских»¹³. 27 апреля 1654 г., накануне выступления русского войска из Москвы, Григорием Вяткиным была закончена парадная пищаль (рис. 1–3) Царя Алексея Михайловича (ОП 6763). Вяткин впервые упоминается в 1643 г. в составе мастеров Оружейной палаты, где приобрел известность как «*Ружейные палаты санапальный мастер*»¹⁴. В Смоленском походе «Григорей Вяткин с товарищи» сопровождал Государеву оружейную казну¹⁵, что входило в профессиональные обязанности мастеров Оружейной палаты (см. ниже).

Равно как и в перечневой росписи оружейной казны 1647 г., весь комплекс архивных источников, посвященных требованию учета значительной части Государевой казны в военном походе 1654–1656 гг., можно сгруппировать по двум разделам, в одном

Рис. 3. Пищаль Царя Алексея Михайловича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1654 г. Мастер – Тимофей Вяткин. Замок мастера Андропова (?)

из которых фигурирует, как правило, оружие «большого наряда», а в другом указано преимущественно строевое вооружение. В первом разделе упоминается оснащение перед выступлением на войну «атласом червчатый» Государевой Ерихонской шапки – как был записан знаменитый шлем Царя Михаила Федоровича 1621 г. – сделанной для него прославленным кремлевским оружейником Никитой Давыдовым (ОП 4411) ¹⁶.

**Рис. 4. Зеркала Царя
Михаила Федоровича.**

Россия, Москва,

Оружейная палата. 1616 г. Бронный мастер – Дмитрий Коновалов, травщик – Андрей Тирманов. По окружности гербовых щитов на центральной доске нагрудника насечен золотом титул царский: «Божиею милостию, Великий Государь Царь и Великий Князь Михаил Федорович, всея России Самодержец, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Сибирский, Государь Псковский и Великий Князь Смоленский и Тверской, Югорский, Пермский, Вяцкий, Болгарский». На центральной доске спины: «И иных Государь и Великий Князь Новгорода, Низовские земли, Черниговский, Рязанский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондийский и всея Сибирские земли и Северные страны Повелитель и Государь и всея Пермские земли, Карталинских и Грузинских, Царь Кабардинские земли, Черкесских и Горских Князь и иных многих государств Обладатель». На парных полосках, разбивающих круг на 4 части, насечена надпись: «Повелением Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Федоровича всея Руси, сделаны сии зеркала в четвертое лето государства его, по приказу крайчего Михаила Михайловича Салтыкова делал мастер Коновалов, а вытравливал и золотил немчин Андрей Тирман, лета 7124 (1616), июля в 29-й день». Вес – 11 077 г. ОП 4570

Накануне литовского похода завершена была отделка алым китайским атласом, стеганным на вате, Государевых зеркал, в подробном описании которых нетрудно узнать парадные зеркала Царя Михаила Федоровича 1616 г. (рис. 4–5) работы московского бронного мастера Дмитрия Коновалова и иноземца травщика Андрея Тирманова (ОП 4570)¹⁷. Под первым номером в состав «походной оружейной казны» Царя Алексея Михайловича в 1654 г. был включен саадак (колчан и налуч) «большого наряда» (рис. 6) Царя Михаила Федоровича 1627–1628 гг. (ОР-144). Помимо этого, были изготовлены суконные

чехлы на другие предметы, относившиеся непосредственно к вооружению Царя и его свиты, как то: «Государевы саадаки, луки, сабли, тщиали, шапки и всякая сбруя» (рис. 7)¹⁸. Причем отдельной статьей проходит подготовка Государевой оружейной казны к транспортировке, для которой используются специальные сундуки¹⁹.

Нужно подчеркнуть, что старинное оборонительное вооружение (шеломы и мисюрки, кольчуги и бахтерцы, наручи и наколенники) было также свезено в Москву из монастырских оружейных хранилищ на время Государева похода, а затем возвращено обратно²⁰. Вместе с царским оружием «большого наряда» парадные доспехи дворянской конницы, выступившей в Государев Смоленский поход 1654 г., словно воскрешали древний вид русского войска времен Куликовской битвы св. блгв. вел. кн. Дмитрия Донского и в Казанском походе Царя Ивана Грозного.

Источники второго раздела раскрывают механизм снаряжения в боевой поход строевого вооружения, в числе которого значатся

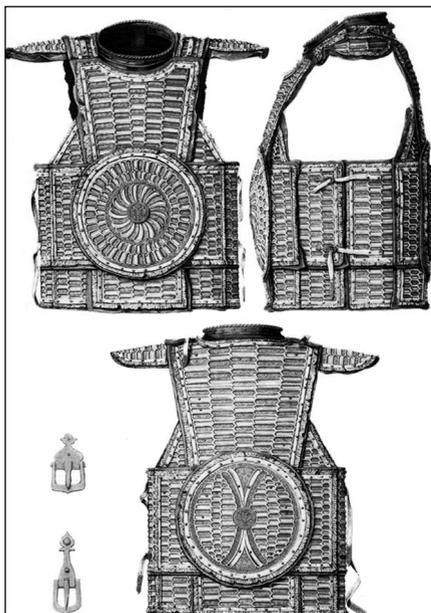

Рис. 5. Зеркала Царя Михаила Федоровича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1616 г. Прорись

Рис. 6. Саадак (колчана и налуч) «большого наряда».
Россия, Москва, Серебряный приказ, 1627–1628 гг.
 Длина налуча – 78,4 см, длина колчана – 47,5 см. ОР-144

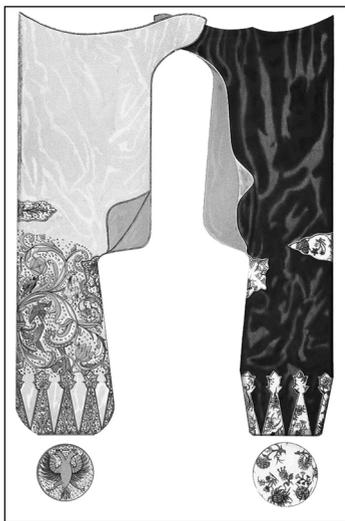

Рис. 7. Чехлы («тохту») для саадаков «большого наряда»

протазаны, алебарды, рогатины, куюки и другое *«расхожее ружье и ратная зброя»*²¹. Особый интерес вызывает дело *«О присылке из Монастырского приказу подвод под Государеву Оружейную пороховую казну в поход»*, причем в качестве сопровождающего эту казну указан мастер Оружейного приказа Ермолай Федоров²².

О том что к войне с Польшей Россия готовилась заранее, свидетельствует не только указ о росписи оружейной казны от 28 июня 1653 г., но и увеличение производства огнестрельного оружия, заказ на которое поступил загодя в Приказ ствольного дела. Подтверждением этому служит столбец 1654/1655 гг. *«О присылке в Оружейный приказ пищалей, которые деланы в Приказе ствольного дела»*²³. Часть строевого оружия, предназначенного для войска, была передана на укрепление обороноспособности некоторых монастырских крепостей, как, например, 50 мушкетов *«с русскими замками»*, присланные из Приказа ствольного дела в Оружейный приказ и отданные после оприходования в Ставров монастырь²⁴.

С той же целью расширения оружейного дела, как по части изготовления строевого оружия, так и парадного, в Оружейный приказ «для Государева скорого дела, на время» были переданы мастеровые из других приказов (Пушкарского, Стрельцкого, Конюшенного), среди которых заслуживает внимания «Максимов ученик Лучанинов» Яков Иванов в силу его принадлежности к школе московских оружейников Лучениновых²⁵. Яков Иванов был прислан «для протазанного и мечья дела», в каком-то значилось 60 протазанов и 10 мечей. Судя по описанию материала, отпущенного на их отделку («атлас и шелк на кисти», «золото к орловому делу и бархату красного»), все это оружие должно было носить парадный характер, в пользу чего говорит участие мастера Серебряной палаты Семена Ярославца в золочении 10 крыжей и наконечников²⁶. Тотчас же по завершении художественного убранства данное оружие было переслано в Государев поход под Смоленск, где Царь Алексей Михайлович расположил свою ставку 28 июня 1654 г.²⁷ Документы показывают, что вскоре для Государевой оружейной казны были сделаны московскими оружейниками еще 20 позолоченных протазанов (рис. 8), потребовавшихся при взятии Динабурга 31 июля 1656 г.²⁸

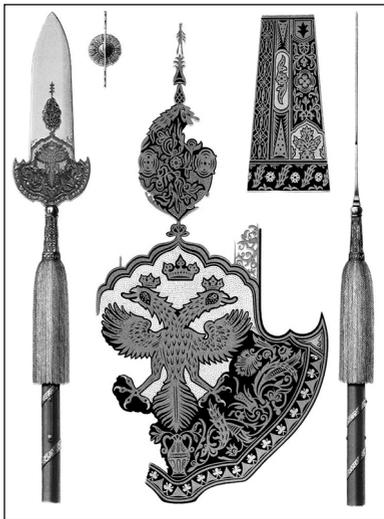

Рис. 8. Протазан. Россия, Москва, Оружейная палата. Сер. XVII в. Деталь

Большая часть парадного вооружения, как прежнего, так и вновь поступившего, нашла отражение в «Ростиси оружейной казны царя Алексея Михайловича, отпущенной из Оружейного приказа в Поход и после Похода принятой обратно» 1657 г.²⁹ К этому времени руководство Оружейным и Ствольным приказами и Золотой и Серебряной палатами перешло от Григория Гавриловича Пушкина (Косого), отошедшего от дворцовых дел в июле 1654 г., незадолго до своей кончины в 1656 г.³⁰, к ближнему боярину, окольничему и оружейничему Богдану (Иову) Матвеевичу Хитрову (Хитрому),

о чем «заведывании в Оружейном приказе» уведомила особая память, присланная в Оружейный приказ в 1655 г.³¹ Одним из первых поручений новому оружейничему Б.М. Хитрово был надзор за изготовлением вышеназванных «позолоченных протазанов со всем к ним прибором и 10 мечей»³².

Фактически роспись Государевой оружейной казны 1657 г. вкупе с описью 1655 г. была приурочена, как и большинство предыдущих, к смене оружейничих, которая произошла в начальный период русско-польской войны во время пребывания Царя Алексея Михайловича в повторном военном походе под Смоленск, где зимой 1654/1655 гг. был оставлен воеводствовать именно боярин Г.Г. Пушкин, носивший дотоле чин оружейничего³³. К росписи 1657 г. тяготеет опись «Прихода и расхода походной Оружейной казны в 164 и 165 гг.» (1656 и 1657 гг. соответственно)³⁴. Судя по обозначенному в описи прихода и расхода походной казны хронологическому периоду, роспись 1657 г. зафиксировала состав Государевой оружейной казны, с которой Царь Алексей Михайлович 15 мая (по ст.ст.) 1656 г. выступил из Москвы в поход на войну против Швеции, одновременно выпавшую на долю России в 1656–1658 гг.³⁵

Роспись 1657 г., занимающая свыше 100 листов, обнаруживает гораздо большее сходство со Списком оружейной казны Царя Михаила Федоровича 1639 г., нежели с перечневой росписью 1647 г., хотя последняя, казалось бы, ближе другой отстояла по времени. Дело в том, что, как и список 1639 г., роспись 1657 г. зафиксировала исключительно парадное оружие, входившее в состав собственного вооружения Царя и сопровождающих его в походах рынд³⁶. В силу этого на первое место в данных описях вынесены типы оружия, традиционно служившие атрибутами светской власти, такие как булава, пернат и чекан, и тем самым как бы был подчеркнут их приоритет. В то же время в перечневой росписи 1647 г., охватывавшей не только парадное оружие, но и строевое, пальма первенства отдана саблям (рис. 9), с описания которых начинаются и тот и другой разделы, что уже было нами ранее отмечено.

Разница в подходах сказалась не только на структуре сравниваемых описей, но и на пространности характеристик вещей из числа Государева вооружения. В отличие от перечневой росписи 1647 г., где большинство предметов охарактеризованы суммарно посредством группирования их по типам, описание в росписи 1657 г., как и в списке 1639 г., строится попредметно с выделением отличительных

Рис. 9. Сабля «большого наряда». Россия, Москва, Оружейная палата, первая половина XVII в., клинок – Турция, 1624 г. Длина общая – 105,5 см. ОР-137

признаков каждой вещи, позволяющих привести идентификацию в современном собрании Оружейной палаты. Сравнительный анализ описи 1639 г. и росписи походной оружейной казны 1657 г. помогает, кроме всего прочего, установить относительную хронологию целого ряда памятников, появившихся в составе Государевой казны за период между составлением этих описей, причем для некоторых предметов указаны даже имена оружейных мастеров. Обращает на себя внимание, что в каждой из названных описей, равно как и в последующих, имена мастеров приведены лишь для парадного оружия, выполненного незадолго до составления той или иной описи, и, как правило, в более поздних документах уже опущены; исключение составляют лишь признанные за «образцовые» изделия наиболее прославленных оружейников³⁷.

В этой связи необходимо указать на прослеживающуюся по описям **тенденцию к сохранению стабильного ядра оружейной казны по каждому из типов оружия**, причем более поздние предметы подчас располагались перед этим «ядром», если они обладали более высоким достоинством, поскольку при описи все парадное оружие сортировалось по ранжиру. В результате со второй половины XVII в. в делопроизводстве Оружейной палаты стала преобладать сквозная нумерация с обязательной ссылкой на предшествующие описи.

Несмотря на явную ориентацию на список оружейной казны 1639 г., походной росписи 1657 г. присущи некоторые особенности, сближающие ее с перечневой росписью 1647 г. В частности, в ней нашли упоминание инструментарий и сырье, предназначенные для оружейного дела, а именно: булат в *«крицах половинчатых да прутах»*, *«три сажени клепаново железа кованово»*, *«связи уклада серпуховского»*, *«двои клещи и мехи дутьи»*³⁸. Безусловно, воинское оружие, пусть даже сугубо парадного назначения, нуждалось в своевременном ремонте и в полевых условиях военного похода,

в целях чего отряжались в качестве сопровождающих походную оружейную казну мастера Оружейного приказа. **Они входили полноправными участниками в состав русского войска как «рабочие» и «мастеровые»,** однако факт их присутствия был проигнорирован большей частью историков русской армии, так что едва ли не впервые нам приходится поднимать этот весьма интересный вопрос. Пока же укажем в качестве примера на поход Царя Алексея Михайловича 1657 г. в Троице-Сергиев монастырь, для которого были выделены из Конюшенного приказа 4 лошади *«под мастеровых людей»*, сопровождавших Государеву походную оружейную казну, в которой числились сабли булатные в специальных *«суконных сорочках»*, а также карабины и пистолы ³⁹.

Одно из отличий походной росписи 1657 г. составляют пометы *«в поход»* на полях против отдельных предметов вооружения (преимущественно сабель и рогатин), что свидетельствует в пользу неоднократного использования данной описи. Кроме того, роспись 1657 г. заканчивается главой под названием *«В запас оттущено»*, где отдельной статьёй проходит огнестрельное оружие *«нового дела»*. Упоминание в росписи 1657 г. в ряду прочего парадного оружия булатной сабли (ОП 5933) и палаша, преподнесенных Царю Алексею Михайловичу в Могилевском походе в августе 1654 г., позволяет связать составление самой росписи непосредственно с Рижским походом 1656–1657 гг. Вероятно, в число участников росписи входил подъячий Илья Хлебников, как можно судить на основании архивного дела 1658 г. о проведении осмотра Государевой казны после его смерти ⁴⁰.

Другие близкие по времени росписи походной оружейной казны 1658 и 1660 гг. гораздо менее информативны, но все же проливают свет на бытование целого ряда предметов парадного вооружения, сообщая дополнительные сведения об их ремонте (*«починке»*), изготовлении для них специальных футляров (*«влагалниц»*) и даже *«10 сундуков липовых с оковкой на Государеву оружейную збрую»*⁴¹. При идентификации изделий кремлевских оружейников в современном собрании Оружейной палаты такие сведения способны играть немаловажную роль, т. к., несмотря на достаточно бережное отношение к оружию из Государевой казны, некоторая часть его была подвержена тем или иным изменениям и утратила свой первоначальный облик, зафиксированный в более ранних описях.

По всей видимости, с росписью походной оружейной казны 1657 г. была непосредственно связана Роспись «*оружейной казны, которая была в походе под Смоленском и под Ригой*» 1662 г.⁴² Она сохранилась лишь фрагментарно на 24 листах, значительно уступая росписи 1657 г. по информативной ценности. Совершенно иное положение в истории делопроизводства Оружейной палаты занимает «*Роспись оружия и знамен, которое было выдано из Оружейного Приказа для Государева смотра 27 января и после его встреча 7 февраля*» 1664 г.⁴³ Эта роспись, насчитывающая 156 листов, по своему составу и структуре восходит к перечневой росписи 1647 г., что можно объяснить их сходным назначением и основными объектами списания. Составителей росписи 1664 г. называет дело «*о присылке в Оружейную палату из дворян Григорья Ильина Мертвова да дьяка Никиту Юдина для переписи оружейной казны*», кроме того, факт участия последнего подтверждает указ «*О пожаловании Оружейной Палаты дьяка Никиту Юдина за переписку ружейной казны*»⁴⁴.

Во время царского смотра ратных людей Государева двора в с. Семеновском и на Девичьем поле зимой 1663/1664 гг. шествие возглавили «*Оружейного приказу дьяк пеш, и около ево 4 человека с бердыши, а за ними 1 рота Оружейного приказу мастеровых всяких людей с ружьем и с знаменем и с барабаном стрелецким строем, а за нею везли пушки, а потом таким же строем другая рота*»⁴⁵. Как видим, мастера Оружейной палаты действительно рассматривались как служилые люди и составляли отдельную воинскую часть, поскольку прочно спаянная структура дворцовых оружейников была всецело ориентирована на военный уклад. На Руси, как нами было отмечено, оружейные мастера отряжались, помимо прочего, в армию для сопровождения Государевой походной оружейной казны, как правило, в количестве 4 человек. При этом каждому из них выдавалась «*лошадь под седло*», а на случай срочного ремонта высылались необходимые материалы, как, например, во время Смоленского похода были предоставлены в 1654 г. «*литра золота и литра серебра на всякие Государевы оружейные дела*»⁴⁶. Сходная воинская организация оружейников, подчиненных дворцовому ведомству, наблюдалась в Турции XVII в., где такие оружейники (джебеджи) входили в состав янычарского корпуса⁴⁷.

Бежавший в 1664 г. в Швецию подьячий Посольского приказа Г.К. Котошихин весьма осведомленно охарактеризовал шведскому

канцлеру ведомство Оружейного приказа, которому подчинялся не просто «цейхгауз», а «двор, где делают ружья» (имеется в виду Ствольный приказ на Бархатном дворе, учрежденный в 1647 г.); кроме того, ведению Оружейного приказа подлежала «казенная **Оружничья палата** и ствольного, и ложного, и замочного и иного дела **мастеры**»⁴⁸. Стоит сравнить эту характеристику с регламентацией полномочий оружейничего в январе 1537 г. при назначении Ф.И. Карпова, которому «*приказано ведати **доспех и мастера***»⁴⁹. Согласно обнаруженной нами «*Ростиси Оружейной палаты мастеровых людей разных дел русских и иноземцев с денежными оклады*» 1663 г., численность дворцовых оружейников составляла к этому времени 108 человек⁵⁰.

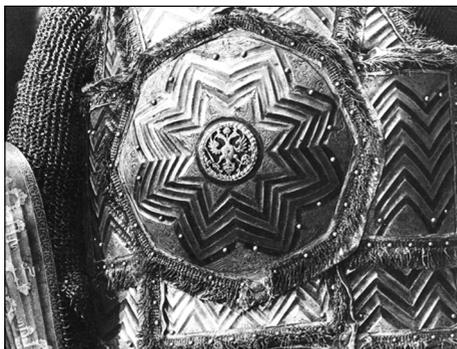

Рис. 10. Зеркала Царя Алексея Михайловича. Россия, Москва, Оружейная палата. 1663 г. Мастер – Никита Давыдов. Вес – 12 300 г. ОП 4571

Приведенные сведения ясно обнаруживают производственный характер Оружейной палаты в Московском Кремле, тем более что сам Г.К. Котошихин особо подчеркнул, что «Оружейной» приказ входил в число приказов, что «*устроены на царском дворе*», а «*доставленные все приказы устроены от царского двора поодаль, на площади за церквами*»⁵¹. Помимо топографии Государевых оружейных мастерских, Котошихин предоставил Швеции важную информацию об их деятельности: «*...а емлют к тому делу мастеров на Москве и из городов и из монастырей, кузнецов и всяких того дела промышленных людей ... А угодье на то дело, и на Денежной и на Кормовой дворы, емлют Московского уезду*»⁵².

Проведение переписи строевого вооружения и «ратной збруи» (рис. 10) в Государевой казне, равно как и смотр русского войска, вероятно, были продиктованы обострением войны с Польшей и угрозой продвижения неприятеля на восточный берег Днепра в конце 1663 г.⁵³ Для отражения наступления коронной польской

Приведенные сведения ясно обнаруживают производственный характер Оружейной палаты в Московском Кремле, тем более что сам Г.К. Котошихин особо подчеркнул, что «Оружейной» приказ входил в число приказов, что «устроены на царском дворе», а «доставленные все приказы устроены от царского двора поодаль, на площади за церквами»⁵¹. Помимо топографии Государевых оружейных мастерских, Котошихин пре-

армии во главе с королем Яном-Казимиром, который планировал вместе с казаками правобережного гетмана Павла Тетери и крымскими татарами захватить восточные земли Украины, а затем наступать на Москву, правительству Алексея Михайловича пришлось мобилизовать войска, распущенные на зиму по домам. Именно поэтому и была проведена экстренная сверка оружия в кремлевских хранилищах.

Примерно в одно время с переписью Государевой оружейной казны в Москве проходил учет оружия в другом крупнейшем арсенале – оружейной палате Кирилло-Белозерского монастыря. Опись этой палаты 1668 г., где зафиксировано около 8500 предметов вооружения, была впервые издана на серьезном научном уровне П.И. Савваитовым, внесшим должную лепту в изучение русского оружия позднего средневековья⁵⁴. Как в ходе подготовки к войне с Польшей в 1654 г., так и на ее завершающем этапе в 1667 г. не ослабевал контроль за укреплением обороноспособности важнейших монастырских крепостей на севере России перед угрозами со стороны Швеции.

В 60–70 гг. XVII в., по окончании русско-польской войны, тотальных переписей Государевой оружейной казны, подобных росписи 1664 г., уже больше не производилось, а все проходящие по делопроизводству Оружейной палаты

**Рис. 11. Походный чехол
Царя Алексея Михайловича.
Кожа, серебро, шитье, золочение,
резьба, чернь. Длина общая – 58 см**

описи были связаны с выдачей в поход собственной оружейной казны Государя или царевичей (рис. 11). Среди них следует назвать «Роспись оружейной походной казны Великого Государя царевича Алексея Алексеевича, которая была отпущена из Оружейной палаты в поход в село Преображенское» 1666 г., «Роспись оружейной казны царевича Алексея Алексеевича, отпущенной в поход в село Покровское» 1667 г., «Роспись разной оружейной брони, отпущенной за Великим Государем Алексеем Михайловичем в Троицкий поход» 1670 г. и, наконец, «Роспись Государевой царской оружейной казны походной в Троицкий поход» 1678 г. на 8 листах⁵⁵.

Война России с Польшей положила конец их вековому противоборству, ибо выявила ощутимый военный потенциал и значительный перевес России. Андрусовское перемирие («докончание») 1667 г.⁵⁶, закрепившее переход Смоленска и Левобережной Украины к Русскому государству, послужило основанием для дальнейших внешнеполитических успехов России. Известный историк С.М. Соловьев даже придавал Андрусовскому перемирию по окончании русско-польской войны 1654–1667 гг. значение некоего водораздела, рассматривая его как одну из граней между древней и новой Россией, после которого Россия перестала, по его мнению, постоянно опасаться нападения со стороны Польши⁵⁷.

© Ульянов О.Г., 2012

¹ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11. М., 1991. С. 179; См. также о ней: Мальцев А.Н. Первый этап русско-польской войны за освобождение Украины и Белоруссии (1654–1656) // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 469–551; История дипломатии. М., 1959. С. 291–318; Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. М., 1974; Саганович Г. Невядомая война 1654–1667 гг. Минск, 1995; Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006.

² Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII в. С. 21–22.

³ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 277–289.

⁴ Накануне Государева похода 1654 г. Богдан Хмельницкий прислал Царю Алексею Михайловичу польское знамя в сопровождении нескольких пар барабанов с польскими военными музыкантами, захваченными им в плен (Реляция о военном походе его царского величества Алексея Михайловича в Литву против Польского короля Яна Казимира, 1654 г. (Пер. с польск.) // Витебская старина. Т. 4. Отд. 2. Витебск, 1885. С. 347–352); См. также: Курбатов А.А., Курбатов О.А. Инженерно-артиллерийское обеспечение Смоленского и Рижского государевых походов 1654 – 1656 гг. // Военно-исторический журнал. № 8. 2008. С. 29–34.

⁵ Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. Стб. 356–357.

⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VII. Ед. хр. 8672.

⁷ Там же. Ед. хр. 8829.

⁸ В немалой степени преемственность делопроизводства по оружейной казне обязана стабильному контролю А. Копылова, чье имя как дьяка Оружейного приказа встречается еще в документах 1653 г. (РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5197, 5250). Умер в Москве в конце 1684 г. См. о нем подробнее: Ульянов О.Г. Оружейная школа Москвы в первой половине XVII в. (по данным Описей 1639, 1646 и 1647 годов) // Война и оружие. Материалы Второй Международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2011. С. 443–447, 451, 453.

- ⁹ Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 451–452.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп.1. Ч. V. Ед. хр. 5692.
- ¹¹ Там же. Ч. IV. Ед. хр. 4992.
- ¹² Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 356–357, 377–378; ПСЗ. Собр. 1. Т. I. № 99. С. 290–291; См. также: Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 10. С. 597.
- ¹³ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. IV. Ед. хр. 5006.
- ¹⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Ед. хр. 4044. Л. 9–12.
- ¹⁵ Там же. Ед. хр. 7274. Л. 2.
- ¹⁶ Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 446–447, ил.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5183, 5200, 5210, 5216, 5217, 5234, 5237.
- ¹⁸ Там же. Ед. хр. 5220, 5241.
- ¹⁹ Там же. Ед. хр. 5245.
- ²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской Академии Наук. СПб., 1836. Т. IV. С. 103.
- ²¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5244, 5264, 5315, 5331, 5491, 5630.
- ²² Там же. Ед. хр. 5646, 5648.
- ²³ Там же. Ед. хр. 5730.
- ²⁴ Там же. Ед. хр. 5739.
- ²⁵ Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 444, ил.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5668, 5671, 5676, 5682, 5727.
- ²⁷ Орловский И.И. Смоленский поход царя Алексея Михайловича в 1654 году. Смоленск, 1905. С. 6–8.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5661; РГАДА. Ф. 27. Приказ тайных дел. Д. 86. Ч. 3. Л. 89–104; Письма русских государей и других особ царского семейства. Вып. V. Письма царя Алексея Михайловича. М., 1896. С. 61–63; Записки отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. Т. II. М., 1861. С. 592–593; См. также: Соловьев С.М. Ор. cit. Кн. V. Т. 10. С. 633.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5835.
- ³⁰ Яковлев Л.П. История Московской Оружейной палаты с ее основания до нашего времени (рукопись). Ок. 1863 г. Ч. 1 (до начала XVIII в.) // АМК. Ф. 1. Д. 73. Л. 27; См. о нем также: Ульянов О.Г. Ор. cit. С. 445.
- ³¹ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5742.
- ³² Там же. Ед. хр. 5831.
- ³³ Там же. Ф. 27. Приказ тайных дел. Д. 86. Ч. 2. Л. 34–40; Д. 100. Л. 8, 10–11, 17–19, 22–23; Д. 100 bis. Л. 6; Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. II. С. 719–720, 722–728, 733; См. также: Соловьев С.М. Ор. cit. Кн. V. Т. 10. С. 616–617.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5836.
- ³⁵ Там же. Ф. 27. Приказ тайных дел. Д. 86. Ч. 3. Л. 47–54; Д. 91. Л. 65–65а; Д. 140. Л. 60–61; Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. V. Т. 10. М., 1990. С. 632; См. также: Курбатов О.А. Русско-шведская война 1656–1658 гг.: проблемы критики военно-исторических источников // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 150–166.
- ³⁶ О рындах см.: Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // Война и оружие. Материалы Международной научно-практической конференции. Ч. 2. СПб., 2010. С. 353–354.

- ³⁷ Ульянов О.Г. К проблеме работы «по образцу» в московской школе художественного оружия XVI–XVII вв. // Советская археология. № 4. М., 1990. С. 92–105.
- ³⁸ РГАДА. Ф. 396. Оп.1. Ч. V. Ед. хр. 5835. Л. 38.
- ³⁹ Там же. Ед. хр. 5854, 5855, 6164; Ч. VI. Ед. хр. 7077.
- ⁴⁰ Там же. Ч. V. Ед. хр. 6111.
- ⁴¹ Там же. Ед. хр. 6001, 6164; Ч. VI. Ед. хр. 7070; Ч. VII. Ед. хр. 7767, 7814.
- ⁴² Там же. Ед. хр. 8156.
- ⁴³ Там же. Ед. хр. 8901.
- ⁴⁴ Там же. Ед. хр. 8829, 9162.
- ⁴⁵ Забелин И.Е. Материалы по истории, археологии и статистике города Москвы. Ч. 2. М., 1891. С. 1231.
- ⁴⁶ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. V. Ед. хр. 5265; Ч. VII. Ед. хр. 8767, 9060.
- ⁴⁷ Миллер Ю.А. Художественное производство холодного оружия в Турции в XVI–XVII вв. (по материалам ГЭ). Автореф. канд. дис. Л., 1953. С. 9–10.
- ⁴⁸ Котошихин Г.К. О России в царствование Алексея Михайловича // История Отечества. Век XVII. М., 1983. С. 497).
- ⁴⁹ Ульянов О.Г. Институт оружейничих и развитие московской оружейной школы в XVI веке // С. 357.
- ⁵⁰ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VII. Ед. хр. 8490. Л. 1–16.
- ⁵¹ Котошихин Г.К. *Op. cit.* С. 504.
- ⁵² *Ibid.* С. 497.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1663 г. Оп. 1. Д. 4, 5, 8, 9; Памятники, изданные Временной комиссией для разбора древних актов. Т. IV. Отд. 3. Киев, 1852. С. 194–205; См. также: Соловьев С.М. *Op. cit.* Кн. VI. Т. 11. С. 121.
- ⁵⁴ Савваитов П.И. Оружейная палата Кирилло-Белозерского монастыря // ЗОРСА РАО. Т. I. Отд. II. С. 5–45.
- ⁵⁵ РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. VIII. Ед. хр. 10499, 10905, 10981; Ч. IX. Ед. хр. 13019; Ч. XII. Ед. хр. 17505.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 79. Сношения России с Польшей. 1667 г. Оп. 1. Кн. 114, 115. Д. 8, 11–13, 15, 23, 25, 26.
- ⁵⁷ Соловьев С.М. *Op. cit.* Кн. VI. Т. 11. С. 181; См. также: Галактионов И.В. Из истории русско-польского сближения в 50–60-х годах XVII в. (Андрусовское перемирие 1667 г.). Саратов, 1960.